

В. Г. КОКОУЛИН (Новосибирск)

Новосибирское высшее военное командное училище

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ОЖИДАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые социокультурные аспекты повседневной жизни сибирских обывателей. Показано как ожидания лучшей жизни и социальной справедливости в годы Первой мировой войны сменялись разочарованиями, как снижался уровень ожиданий от одного социального потрясения к другому. Выявляются истоки суеверий и легковерий в период социальных катаклизмов в военно-революционные годы, ставится проблема отношения обывателей к официальной церкви через призму массового сознания. Анализируется специфика этих процессов на примере повседневной жизни сибирских обывателей.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Сибирь, повседневная жизнь, массовое сознание

V. G. KOKOULIN (Novosibirsk)

Novosibirsk higher military command school

REVOLUTION AND CIVIL WAR IN RUSSIA: EXPECTATIONS AND DISAPPOINTMENTS

Annotation: This article is devoted to some socio-cultural aspects of everyday life of Siberian people. Shows how the expectations on a better life and social justice during the First world war gave way to frustration, as decreased levels of expectations from one social upheaval to another. Identifies the origins of superstitions in the period of social upheaval in the military-revolutionary years, raises the problem of the relationship of inhabitants to the official Church through the prism of the mass consciousness. The specificity of these processes on the example of everyday life of Siberian people is analyzed.

Keywords: Revolution, Civil war, Siberia, everyday life, mass consciousness.

Событий первой четверти XX в.: Русско-японская война, Первая российская революция, столыпинская аграрная реформа, образование и деятельность политических партий, созыв и роспуск Государственных дум и особенно Первая мировая война оказали мощное влияние на массовое сознание подданных Российской империи. Революцию в определённом смысле ждали, с ней связывали надежды на радикальное изменение, естественно в лучшую сторону, всех сторон экономической, политической и повседневной жизни. Уже в годы Первой мировой войны вчерашние крестьяне, одетые в шинели, перестали понимать, для чего они сидят в холодных окопах. Они слышали разговоры о Распу-

тине и его влиянии на царскую семью, о безудержной спекуляции в тылу и очередях за продовольствием (как их тогда называли «хвосты») у хлебных лавок. В представлении крестьян это было ужасным, беспросветным, бессмысленным и какого-то изменения ситуации ясно не предвиделось. Неудивительно поэтому, что события в Петрограде, приведшие к отречению Николая II и падению самодержавия были воспринято подавляющим большинством населения с радостью и энтузиазмом. Казалось, что вот-вот наступит счастливый век, всё чудесным образом переменится к лучшему; что придёт быстрая и окончательная победа в затянувшейся бессмысленной войне, хлебные лавки наполнятся дешёвыми продуктами, общество «оздоровится». Россиян охватила эйфория, восторженное безумие, революционный энтузиазм, они яростно отрицали всё старое и воспевали идеалы «свободы» и «демократии». Хотя вряд ли кто-то мог внятно объяснить, в чём именно эти идеалы состоят. Но люди верили в них, не пытались рационально объяснить свою радость.

Март 1917 г. в сибирских городах был месяцем митингов. Горожане шли на митинги и собрания на любую тему и по любому поводу, слушали ораторов в восторженном молчании и наслаждались праздником. Сибирские газеты тогда каждый день печатали отчёты и репортажи о митингах. Возьмём, для примера, иркутскую газету «Сибирь» начала марта. Вот что она писала: «Настало время народовластия, и Учредительное собрание скажет, что нет больше самодержавия, кроме самодержавия народного, что нет выше власти, нежели власть народа! Исполнились заветные мечты! Воплотились в жизнь прекрасные лозунги. Жизнь стала прекрасна. Смерти нет. Наступило светлое воскресение народа!» [1]. Ей вторит омич П. Хрусталёв: «Любинский проспект, этот центр Омска, теперь являл собой круто заправленное месиво митингующих разношёрстных людских масс <...> то там, то здесь, поднимались на импровизированных трибунах ораторы. Они в большинстве случаев сами себе предоставляли слово, и сами же организовывали вокруг себя аудиторию слушателей. И вокруг этих походных трибун кипел жаркий бой о судьбах и путях революции» [2]. О том, что происходило в сибирской деревне, свидетельствуют воспоминания крестьянки села Брюханово Томской губернии М. Камболовой: «Одни радовались, ликовали, другие – недоумевали. Ходили с флагами, с красными повязками на руках, митинговали. Поп служил на площади молебн, присягали Временному правительству и в то же время во время молебна велись разговоры об окончании войны, о конце света, о втором пришествии Христа» [3].

Но день за днём праздничное настроение сменялось заботами дня текущего. Сразу после свержения самодержавия предложение продуктов увеличилось: на омский рынок крестьяне усилили подвоз масла, а мясоторговцы стали распродавать запасы мяса; в Томске продавалась мука с городских складов и из частных запасов, кроме того, крестьяне усилили подвоз муки на рынок; в иркутских городских и кооперативных лавках по карточкам продавалась маньчжурская и местная мука и привозной сахар. Но уже в марте 1917 г. стали появляться первые признаки продовольственного кризиса, начали исчезать из продажи некоторые продукты и товары: в Томске исчез с прилавков сахар, в Ново-николаевске – галоши, купить которые можно было по возросшей цене лишь на

толкучем рынке. В Томске перекупщики скупали у крестьян продукты по дороге на рынок и перепродавали их по повышенной цене. В том же Новониколаевске хлеб в городской лавке отпускался по одной булке на человека – предприимчивые горожане созывали десяток мальчишек, закупали хлеб и перепродавали его в тридорога [4].

Ярким отражением интересов населения являются репертуары местных театров и кинотеатров («электротеатров», как их тогда называли). В марте во всех городах Сибири огромной популярностью пользовались картины и драмы революционного содержания: «Гражданские похороны жертв революции в Петрограде», «Борцы за свободу России», «Отречёмся от старого мира», «Жизнь и смерть Гришки Распутина». Однако уже в апреле острота момента отошла в прошлое и горожанам стали показывать лёгкие развлекательные программы: «Маруся оправилась», «Сиротка Ася», «Ночь любви», «Чёрт», «Диана», «Шумный жизни пир», «Ах, что за ночь то была!» [5].

Таким образом, уже Февральская революция 1917 г. ярко продемонстрировала несовпадение ожиданий и реальности. Разочарования в ожиданиях, неуверенность в сегодняшнем и страх перед завтрашним днём привели к росту легковерия и суеверия. В июле 1917 г. в Новониколаевске появились китайки, которые предлагали лечить зубы, «удаляя из зубов червей», из-за чего якобы и болели зубы. Китайки «сперва запускали грязные пальцы в рот» и ощупывали больной зуб, затем доставали маленький молоточек и постукивали по больному зубу. Китайки заявляли, что после такой процедуры червяки выползают из зубов, и удаляли их особыми заострёнными палочками из дупла зуба. Так же «лечили» зубы и в Омске. Пожары, периодически случавшиеся в сибирских городах, стали рассматриваться не как стихийное бедствие, а через призму сверхъестественного. Газета «Свободная Сибирь» сообщала о лжепророках в Кузнецком уезде, прорицавших о втором пришествии. В Томске широко распространились воззвания «опытной хиромантки-физиономистки, известной предсказательницы Николиной», к которой тянулись и простые женщины, и барыни, и учащаяся молодёжь. В Новониколаевске пьяная толпа в усадьбе бывшего городского головы разрыла клумбу, отыскивая труп жены Николая I и какого-то министра, чтобы положить конец мировой войне [6].

Дефицит продуктов питания и рост цен, характерный для лета – осени 1917 г., породил новую волну ожиданий и надежд, связанных с тем, что достаточно расправиться с «врагом» – образ врага был нечётким, расплывчатым, вмеща в себя как черты конкретного местного спекулянта, еврея-торговца, так и собирательного виновника бедствий вообще, например, буржуя, нерадивого чиновника, «реакционера из местных домовладельцев», – то все проблемы будут раз и навсегда решены и наступит эпоха всеобщего благоденствия. Самое интересное, что теперь и царские времена, которые совсем недавно все проклинали, стали вырисовываться в розовой дымке ускользнувшего «золотого века». Вот что говорили в «хвостах» у продовольственных лавок: «Обещали нам много – и земли, и воли, на деле мы не получили ничего», «Как только избрали в комитеты социалистов, так сразу же изменили народу: вместо того, чтобы улучшить положение бедноты, они назначили себе большое жалование и живут

припеваючи», «При царе было лучше – он плохой человек, но всё же не забывал бедняков – в голодные годы царь даром выдавал хлеб» [7].

Характерно, что с Октябрьской революцией сибирский обыватель не связывал никаких надежд или ожиданий. Объяснить это можно тем, что, по-видимому, в сознании обывателя Октябрьская революция практически не отразилась – пришедшие к власти большевики рассматривались как один из вариантов революционных властей 1917 г. Учредительное собрание также оказалось за пределами событийного горизонта сибирских горожан и крестьян. На них свалились совсем другие проблемы – поиски продовольствия, товаров и топлива по стремительно растущим ценам, квартирные трудности для беженцев, безработица, растущая преступность. Но после перехода власти к Советам в Сибири (этот процесс растянулся с ноября 1917 до марта 1918 г. в разных городах) стало распространяться ожидание о том, что скоро придут «революционеры-большевики», они отберут у «буржуев» всё и разделят поровну, никто не будет сопротивляться, поскольку есть Красная гвардия, и все заживут сытой жизнью. Действия власти, объявлявшей реквизиции, национализации, конфискации и прочие «насильственные» изъятия имущества в большинстве воспринимались положительно, пока речь шла о крупных торговцах и промышленниках, но как только дело доходило до обывателя, то он вновь начинал ностальгировать по «золотым царским временам». Характерный пример: в середине декабря 1917 г. Новониколаевске распространялась прокламация якобы от имени директора реального училища Бутовича: «Долой хулиганов правителей! Да здравствует Николай Романов!... Идите ко мне и будете сыты!» [8].

В итоге большевики, которые не смогли решить ни продовольственную проблему, ни подавить преступность весной 1918 г., потеряли привлекательность в глазах большинства населения. И вновь обыватели, которые винили в дефиците и дороговизне местные власти и власть вообще, после свержения большевиков в мае – июне 1918 г., стали надеяться, что продукты появятся в изобилии и по дешёвым ценам. Но прошло три месяца после установления новой власти и вновь сибиряки стали разочаровываться, часто повторяя: «И при Советской власти то же было! А хлеб-то ещё вздорожал!» [9].

Тревожное и нестабильное время Гражданской войны, неясность обстановки, неуверенность в завтрашнем дне порождали теперь уже только нелепые слухи, но никаких надежд у сибирских обывателей уже не было. Конечно, слухи не только восполняли дефицит информации и отражали страхи обывателей, но они оказывали мощное влияние на формирование надежд и разочарований обывателей и их отношение к существующей власти и политике. Альтернативой правлению Колчака сибиряки уже видели «большевиков». Как ни странно, если проследить за ожиданиями и разочарованиями сибиряков с конца 1916 до конца 1919 г., то мы отчётливо увидим, что ожидания, если так можно выразиться, «мельчают»: уже не ждут каких-то глобальных перемен, приносящей все дары и блага революции, а стремятся потихоньку жить, не надеясь на светлое будущее и вздыхая по старым добрым временам. Всё больше звучала общая усталость, жажда мира и покоя. Омская газета в статье «Заметки обывателя» с разочарованием отмечала: «Обыватель находится в состоянии собачей старо-

сти и с пассивным равнодушием переносит сыплющиеся на него со всех сторон пинки и удары судьбы. Дерёт ли мародёр с него последнюю шкуру, он беспрестанно отдаёт последние оставшиеся у него гроши. Заберётся ли к нему какой-нибудь захудалый воришка и крикнет: «Руки вверх!» – он немедленно подаёт своё бумажник и ключи от сундуков. Загонит ли его жилищная комиссия в самый худший угол его квартиры, он ложится туда как в берлогу и там же, за неимением куда деться, переболевает сыпным или возвратным тифом. На больного и лишённого за недостатком врачебного персонала рациональной помощи обывателя накинута целая свора японских, корейских, китайских врачей, знахарей, хиромантов, астрологов, индийских факиров и других представителей и знатоков сушей и загробной жизни» [10].

Желание социальной справедливости, столь характерное для первых месяцев революции, когда первый революционный всплеск породил небывалые прежде ожидания, сменилось общим настроением, которое можно выразить ёмкой формулой: «Лишь бы не было хуже». Резкое падение от восторженных ожиданий к несбывшимся надеждам привело к стремлению забыться, уйти к развлечениям, планка духовных потребностей резко снижалась. Это привело к неистребимой жажде к развлекательным программам без особых художественных достоинств, большинство – с эротическим уклоном: по всем театрам и электротеатрам Сибири шли «Грешница», «Распродажи жизни», «Измена», «Старички и девчонки», «Сильва, дитя шантана», «Рабыни веселья», «Бог мести», «Царица ночи», «Малютка Элла», «Приключения новобрачных», «Жених и Попуга», «Весёлые купальщицы (грешнички)», «Дамы курорта не боятся, даже чёрта», «Похождения Макса Линдера», «Тайны гарема», «Торжество козлоногих» и т.п. [11]. Так, корреспондент иркутской газеты комментировал: «Иркутск за последнее время ведёт довольно беспечальный образ жизни. Битком набиты многочисленные собрания, где идёт безумная игра, шумное оживление в шикарных ресторанах <...> Почти никогда не пустуют театры и кинематографы» [12]. Размышлять о «вечном» в условиях нестабильного существования было просто невозможно.

От очередной смены власти в ноябре 1919 – январе 1920 г. сибиряки уже просто ничего не ожидали, уже никто не верил, что когда-то будет лучше. Казалось, что «золотые времена» давным-давно прошли.

Обратим внимание ещё на одну проблему. Как отмечают многие социологи, уровень религиозности населения сильно колеблется: в эпоху перемен оживает религиозность народа, когда только бог видится единственным, кто может спасти и сохранить. Но в России произошло уникальное явление: вера осталась, но авторитет православной церкви, связанной с государством, самодержавием, Николаем II и Распутиным, настолько упал, что народ стал верить не в бога и божественную справедливость, а в революцию и социальную справедливость. Первая мировая война хотя и затронула экономические основы жизни сибиряков, но армия сражалась, а обыватель жил своей жизнью. В эпоху революций и особенно Гражданской войны тотальность происходившего, затронувшая все стороны жизни всех слоёв населения Сибири, привела к полному отрицанию бога (по принципу: если бы был бог, то он бы всего этого не до-

пустил). Здесь во многом коренятся глубинные корни успехов антирелигиозной пропаганды большевиков и их успешной борьбы с церковью в 1920-е гг.

Библиографический список

1. Сибирь (Иркутск). 1917. 5 марта.
2. Воспоминания П. Хрусталёва, 1933 г. // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1015. Л. 3, 4.
3. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1200. Л. 1.
4. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военнореволюционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 67.
5. Там же. С. 65, 66.
6. Кокоулин В. Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2010. С. 68, 69.
7. Голос Сибири (Новониколаевск). 1917. 4 окт.
8. Там же. 19 декабря.
9. Жизнь Алтая (Барнаул). 1918. 4 октября.
10. Сибирская речь (Омск). 1919. 5 января.
11. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военнореволюционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 217–219.
12. Свободный край (Иркутск). 1919. 6 февраля. (24 января).